

Организація суда и законодательства.

До половины XVI вѣка во всей этой области царить взглядъ на правосудіе, какъ на пожалованіе, на доходную статью. Фискальные агенты и уполномоченные правительства на *черныхъ* земляхъ, помѣщики на земляхъ *бѣлыхъ*—все кормятся сами и кормятъ другихъ изъ того же источника. Судебные приговоры существуютъ главнымъ образомъ какъ поводъ для взысканія пошлинъ; преслѣдованіе преступленій есть преимущественно финансовая операція. Если же вѣдѣніе извѣстныхъ случаевъ,—убійства или грабежа,—вездѣ при-

надлежить государству, то здѣсь все дѣло въ доходности. Такія дѣла приносить больше выгоды, и государство приберегаетъ лучшіе куски для себя.

Со времени Русской Правды, первая редакція которой относится къ 955 или 962 году, законодательство не подвинулось впередъ. Что касается Судебника 1497 г., то въ немъ уголовные законы занимаютъ первое мѣсто. Относительно дѣлъ по гражданскому праву законодатель ссылается, по большей части, на обычай. Онъ едва касается отношеній и обязанностей; созданныхъ семейными узами или договорами, и совершенно проходить молчаніемъ всѣ другія юридическія отношенія. О правахъ политическихъ онъ не говоритъ ничего или почти ничего. Мы видимъ одно лишь смутное понятіе объ опеке государства надъ простымъ народомъ, которое выражается въ запрещеніи лишать человѣка свободы безъ согласія государя. Законодатель озабоченъ главнымъ образомъ организаціей судебныхъ функцій, а организація съ его точки зрѣнія, это—подсчетъ и раскладка проторей и взысканій. Уложеніе о наказаніяхъ и приходная книга—вотъ что представляетъ собою Судебникъ 1497 года.

Въ обилии и строгости предусмотрѣнныхъ наказаній ясно чувствуется вліяніе татарскаго ига. Русская Правда была значительно мягче; мало того: она была даже болѣе либеральной съ ея правомъ выкупа, предоставленнымъ виновному во многихъ случаяхъ. Новый кодексъ не знаетъ подобной снисходительности. Выраженія «бити кнуты, бити батоги» встрѣчаются чуть не на каждой строкѣ. Въ примѣненіи этихъ наказаній и даже во всемъ законодательствѣ ясно проведена идея равенства. Она согласуется съ демократической тенденціей кодекса, но надъ ней все же торжествуетъ противоположное ей начало обычнаго права, на которое Церковь наложила сильный византійскій отпечатокъ. Такимъ образомъ, даже сама судебная практика руководилась нормами гражданскаго права грековъ, законами Константина Великаго, Юстиніана, Льва Философа, эклогами Льва Исавра и Константина Копронима. Итакъ, если суды предназначены для крестьянина, какъ и для всѣхъ, то за равнозначущее преступленіе крестьянина повѣсятъ, а боярина только высѣкутъ или посадятъ въ тюрьму. Или скорѣе его станутъ пытать, чтобы заставить сознаться въ преступленіи. Его будутъ жечь на медленномъ огнѣ; ему переломаютъ ребра; ему будутъ вколачивать гвозди въ тѣло. И это было въ XVI вѣкѣ.

Но до XVII вѣка, отставая отъ Европы, то же законодательство будетъ поддерживать примѣненіе судебного поединка, также заимствованнаго изъ обычая. Новгородскій обычай допускалъ даже поединокъ между женщинами, обвиняющими одна другую, тогда какъ псковскій, болѣе рыцарскій, позволялъ слабому полу, наравнѣ съ большими, стариками и монахами, брать себѣ замѣстителей. Судебникъ Ивана IV постарался въ томъ же смыслѣ уравнять силы спорящихъ. Но въ это время судебный поединокъ уже измѣнилъ свой характеръ. Раньше онъ былъ чисто-житейскимъ средствомъ. Вотъ почему ему не придавали большой цѣны и ставили его въ числѣ способовъ добиться истины на третье мѣсто—послѣ признанія и свидѣтельскихъ показаній. Въ знакъ недовѣрія и осужденія поединка къ нему присоединялись даже присяга и вынутіе жребія въ качествѣ вспомогательнаго средства. До поединка снимали присягу, а присяга давалась по жребію.

Идея божескаго вмѣшательства существовала только въ скрытомъ видѣ. Теперь она выдвинулась и укрѣпилась. Поединокъ сталъ какъ бы судомъ Божиимъ.

Въ этомъ захотятъ увидѣть новый примѣръ обратнаго движенія по пути прогресса; но пускай вспомнятъ, что, если ордалія и была запрещена во Франціи въ 829 году эдиктомъ Людовика, то парламентъ долженъ былъ возобновить запрещеніе въ 1400 году. И, кромѣ того, ордалія была не совсѣмъ то же. Она опиралась, главнымъ образомъ, на идею небеснаго вмѣшательства, которая только позднѣе присоединилась на Руси къ принципу простой борьбы. Послѣдняя являлась здѣсь остаткомъ варварскаго прошлаго, гдѣ всякій стоялъ за себя, и гдѣ рѣшеніе всѣхъ споровъ зависѣло отъ силы соперниковъ. Вотъ почему Церковь не поддерживала примѣненія поединка, какъ она поддерживала вездѣ разныя формы суда Божія; напротивъ, здѣсь она боролась съ этимъ обычаемъ и въ то же время старалась вѣдрить въ него религіозную идею. Она способствовала также выдѣленію изъ него второстепенныхъ моментовъ,—присяги и жребія,—и кончилось тѣмъ, что они сдѣлались независимыми средствами доказательства истины. Въ церковныхъ дѣлахъ жребій скоро вошелъ въ общее употребленіе. Приговоръ *вынимали*, какъ лоттерейный билетъ. Въ судахъ по обычному праву до XVI вѣка прибѣгали къ такимъ же приѣмамъ. Генри Лэнъ, англійскій коммерческій агентъ, оставилъ намъ интереснѣйшую замѣтку о подобной процедурѣ по

поводу одной тяжбы 1560 года, въ которой онъ былъ заинтересованнымъ лицомъ.

Дѣло шло о принадлежащихъ ему шестистахъ рубляхъ, на которые одинъ костромской купецъ предъявилъ претензію. Сначала дѣло должно было рѣшиться поединкомъ, для котораго Лэнъ подыскалъ себѣ сильнаго бойца, своего соотечественника, состоявшаго, такъ же, какъ и онъ самъ, на жалованьи у англійской компаніи, основавшейся въ Россіи. Этотъ уроженецъ Великобританіи звался Романомъ Бестъ и, должно быть, находился въ родствѣ со знатной русской фамиліи Бестужевыхъ. Но костромичъ отвелъ противника, котораго онъ находилъ, конечно, слишкомъ опаснымъ. Тогда прибѣгли къ жребію. Въ присутствіи двухъ важныхъ чиновниковъ, игравшихъ роль судей, и передъ лицомъ многочисленнаго собранія обѣимъ сторонамъ было сначала предложено помириться. Потомъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не соглашалась отказаться отъ своихъ претензій, судьи, засучивъ рукава, скатали по восковому шарикѣ, и одинъ изъ нихъ окликнулъ въ толпѣ одного изъ зрителей. «Эй, ты, въ такомъ-то кафтанѣ и шапкѣ, поди сюда». Человѣкъ подошелъ и протянулъ шапку, куда и были положены оба шарика, а другой человѣкъ, выбранный такимъ же образомъ, долженъ былъ вынуть ихъ одинъ за другимъ. Первый выигрывалъ, и случилось такъ, что повезло англичанину. Толпа разразилась кликами, убѣдившись такимъ образомъ въ правотѣ выиграннаго дѣла и въ честности англійскихъ купцовъ вообще. (Наклуѣт, Collection II, 209). Легко понять, что мѣшало государству вѣрить подобнымъ доказательствамъ въ дѣлахъ, гдѣ оно было заинтересовано. Поэтому оно измыслило другіе способы, между которыми *повальный обыскъ*—нѣчто въ родѣ свидѣтельской анкеты—былъ особенно въ чести во время Ивана Грознаго. Предполагалось, что гласъ народа—гласъ Божій,—принималъ въ этомъ участіе. Поэтому требовалось большое количество свидѣтельскихъ показаній. Лже-свидѣтели строго наказывались, ихъ били кнутомъ нещадно. Что же касается до письменныхъ доказательствъ, то они появились только въ концѣ XVI вѣка.

Въ гражданскихъ дѣлахъ приведеніе приговора въ исполненіе имѣло чрезвычайно странныя формы. Несостоятельный должникъ выдавался кредитуру *головою*, т.-е. до уплаты долга становился его вещью, его работъ. Злостный банкротъ подвергается былъ *правесму*. Правежъ заключался въ томъ, что упорствующаго приводили къ мѣ-

сту суда и заставляли сѣчь его по мягкимъ частямъ съ утра до вечера. Суровость и дѣйствительность такого принужденія были очень разнообразны, въ зависимости отъ подарковъ, которые обѣ стороны давали палачамъ. Кто выходилъ изъ испытанія безъ большого для себя вреда, а кого и увѣчили. Продолжительность правеза, сначала неопредѣленная, была между 1555—1628 гг. ограничена 1 мѣсяцемъ для суммы въ 100 рублей. По истеченіи этого срока должникъ выдавался кредитору. Но всегда люди знатные пользовались привиллегіей избавленія отъ правеза: они или находили себѣ замѣстителей или вовсе не являлись на судъ.

Крайняя продажность судей являлась еще болѣе серьезной помѣхой для нелицепріятнаго суда, ибо принято было относиться съ большою терпимостью къ подобнымъ злоупотребленіямъ. Взятки были формально строго воспрещены; но обычай требовалъ, чтобы, придя въ судъ, обѣ стороны клали пожертвованія къ образамъ—«на свѣчи», а на Пасхѣ всѣ должностныя лица имѣли право получать «красное яичко» съ нѣсколькими монетами въ придачу. Отецъ Грознаго, Василій, узналъ, что одинъ судья, получивъ нѣкую сумму денегъ отъ одной стороны, а отъ другой—меньшую, рѣшилъ тяжбу въ пользу болѣе щедраго изъ тяжущихся. На допросѣ судья не сталъ записывать и сказалъ себѣ въ оправданіе: «я вѣрю больше богатому, чѣмъ бѣдному—ему меньше расчета меня обманывать». Василій улыбнулся и простилъ его.

Будемъ же и мы снисходительны къ обществу, гдѣ борьба за существованіе доведена была до крайности во всѣхъ классахъ благодаря непрочному положенію всѣхъ, и постараемся отдать себѣ отчетъ въ экономическомъ режимѣ, гдѣ могъ возникнуть и существовать *правезъ*.
